

МИРОВАЯ КЛАССИКА

Мистические рассказы

Гарсиа Маркес, Астуриас,
Борхес, Гюльсгар, Фудзинес

Annotation

В увлекательных рассказах популярнейших латиноамериканских писателей фантастика чудесным образом сплелась с реальностью: магия индейских верований влияет на судьбы людей, а люди идут исхоженными путями по лабиринтам жизни. Многие из представленных рассказов публикуются впервые.

- [Габриель Гарсиа Маркес](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габриель Гарсиа Маркес

День после субботы

Брожение умов началось в июле, когда сеньора Ребека, печальная вдовица, обитавшая в огромном доме с двумя галереями и девятью спальнями, обнаружила, что проволочные сетки на окнах погнуты так, словно в них швыряли камнями с улицы. В первый раз она сделала такое открытие у себя в спальне и подумала, что об этом надо будет потолковать с Архенидой, ее служанкой, которая стала и ее доверенным лицом с тех пор, как умер ее муж. Потом, перебирая старые вещи (сеньора Ребека давно уже ничем другим не занималась), она поняла, что оконные проволочные сетки повреждены не только в спальне, но и во всем доме. Вдова относилась к властям со сверхъестественным пиететом – чувством, быть может, унаследованным ею от прадеда с отцовской стороны, креола, который во время войны за независимость сражался на стороне роялистов, а затем совершил весьма нелегкое путешествие в Испанию с единственной целью посетить дворец, построенный в Сан Ильдефонсо Карлом III. Одним словом, когда сеньора Ребека обнаружила, в каком состоянии находятся проволочные сетки на окнах других комнат ее дома, она уже и не подумала толковать об этом с Архенидой; она надела соломенную шляпу с бархатными цветочками и отправилась в муниципалитет с тем, чтобы заявить о нападении на ее дом. Но, подходя к муниципалитету, она увидела, что сам алькальд, без рубашки, волосатый, крепко сколоченный (это казалось ей проявлением животного начала), занят починкой проволочных сеток муниципалитета, поврежденных так же, как и ее собственные.

Сеньора Ребека ворвалась в грязное помещение, где все было перевернуто вверх дном, и первое, что бросилось ей в глаза, было множество мертвых птиц, лежавших на письменном столе. И она совсем ошалела – отчасти от жары, отчасти от возмущения, которое вызвали у нее поврежденные проволочные сетки. Она даже не испугалась, хотя мертвые птицы, лежащие на письменном столе, – это зрелище, которое увидишь не каждый день. Ее не шокировало даже явное унижение власти, забравшейся на лестницу и починяющей металлические сетки на окнах с помощью мотка проволоки и отвертки. Сейчас сеньора Ребека помышляла только о сохранении своего достоинства, которое было оскорблено нападением на ее

проволочные сетки, и ее оцепенение даже помешало ей связать факт нападения на ее окна с фактом нападения на окна муниципалитета.

Со скромной торжественностью она остановилась в двух шагах от двери и, опершись на длинную, изукрашенную ручку зонтика, сказала:

– Необходимо подать жалобу.

Стоя на верхней ступеньке лестницы, алькальд повернул к ней лицо, налитое кровью от жары. Он не выразил ни малейшего волнения, хотя появление вдовы в его кабинете было делом необычным. С мрачной небрежностью он продолжал отцеплять поврежденную сетку и задал вопрос:

– В чем дело?

– Дело в том, что мальчишки нашей деревни повредили проволочные сетки на окнах.

Тут алькальд снова устремил на нее взор. Он внимательно разглядывал ее всю – от искусно сделанных бархатных цветочков на шляпе до тувель цвета старого серебра, – так разглядывал, словно видел ее в первый раз в жизни. Не отводя от нее глаз, он осторожно спустился с лестницы и, когда ноги его коснулись твердой земли, Уперся рукой в бок и бросил отвертку на стол.

– Это не мальчишки, сеньора, – сказал он, – Это птицы.

И тут она связала все воедино – мертвых птиц на письменном столе, человека на лестнице и поврежденные сетки в ее спальнях. Она содрогнулась, когда представила себе, что все спальни в ее доме полны мертвых птиц.

– Птицы! – воскликнула она.

– Да, птицы, – подтвердил алькальд. – Странно, что вы не поняли этого: ведь уже три дня перед нами стоит эта проблема – проблема птиц, которые разбивают окна, чтобы умереть в комнате.

Когда сеньора Ребека покинула муниципалитет, ей стало стыдно. И немного досадно от того, что Архенида, приносившая ей все деревенские слухи, все-таки не заговорила с ней о птицах. Она раскрыла зонтик – ее слепило сияние надвигающегося неизбежного августа – и, когда она шла по раскаленной, пустынной улице, у нее возникло впечатление, что из спален всех домов исходил сильный, пронизывающий, резкий запах мертвых птиц.

То был один из последних июльских дней, и никогда еще в деревне не было так жарко. Но жители ее не задумывались об этом: они были под впечатлением повальной гибели птиц. Несмотря на то, что этот поразительный феномен не оказал серьезного влияния на жизнь деревни, тем не менее, большинство ее жителей с начала августа пребывало в

ожидании, во что все это выльется. К этому большинству не принадлежал его преподобие Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар Кастаньеда и Монтеро – кроткий приходской священник, который в свои девяносто четыре года трижды видел дьявола и который, однако, был единственным человеком, увидевшим двух мертвых птиц и не придавшим этому никакого значения. В первый раз он обнаружил мертвую птицу в ризнице – это было во вторник, после обедни – и подумал, что даже сюда ее ухитрился затащить какой-то деревенский кот. Второй раз он увидел мертвую птицу в среду – на сей раз у себя дома, в коридоре – и носком ботинка отбросил ее на улицу, подумав при этом: «Коты не должны существовать на свете».

Но в пятницу он пришел на железнодорожную станцию и увидел третью мертвую птицу на той самой скамейке, на которую он собирался сесть. Словно молния прорезала его мозг; он схватил птицу за лапки и поднес ее к глазам; он вертел ее, разглядывал, затем с волнением подумал: «Черт возьми, а ведь это третья за неделю». С этих пор он начал представлять себе, что происходит в деревне; представлять, впрочем, весьма неопределенно, ибо, частично благодаря столь почтенному возрасту, а частично и потому, что уверял, будто трижды видел дьявола (в деревне это считалось событием несколько ненатуральным, отец Антонио Исабель пользовался у прихожан репутацией человека доброго, миролюбивого и услужливого, но вечно витающего в облаках). Итак, отец Антонио Исабель понял, что с птицами что-то происходит, но даже и тут ему не пришло в голову, что это было чрезвычайно серьезно и потому требовало специальной проповеди, посвященной этому событию. Он был первым, кто почувствовал запах. Он почувствовал его в ночь на пятницу – тогда он проснулся в тревоге, его легкий сон был прерван резким, тошнотворным запахом, но он не знал, чему приписать это: ночному кошмару или же новому и оригинальному средству, к которому прибегнул сатана, дабы смутить его сон. Он начал приюхиваться, повернулся на другой бок и подумал, что это происшествие может послужить ему темой проповеди. «Это может быть волнующая проповедь о той ловкости, с какой сатана проникает в человеческую душу через одно из пяти чувств», – подумал священник.

На следующее утро, проходя через паперть перед началом обедни, он впервые услышал разговор о мертвых птицах. Он думал в это время о своей проповеди, о сатане и о том, что человек может согрешить и обонянием, как вдруг услышал, что дурной ночной запах исходил от умерших за эту неделю птиц, и тут в голове у него возникла невообразимая

путаница – смесь евангельских изречений, дурного запаха и мертвых птиц. Таким образом, в воскресенье ему пришлось произнести импровизированную речь о милосердии, – речь, которую он и сам хорошенько не понял, – и отныне он навсегда забыл о связи, существующей между дьяволом и пятью чувствами.

Однако где-то в подсознании все же не могло не зафиксироваться то, что он познал на опыте. Так бывало с ним всегда, не только в семинарии, где он учился семьдесят с лишним лет тому назад, но и – в весьма своеобразной форме – теперь, когда ему было уже за девяносто. Однажды – это было еще в семинарские годы – светлым вечером (шел ливень, но ветра не было) он читал Софокла в подлиннике. Когда дождь перестал, он посмотрел в окно на унылые поля, на омытый и обновленный вечер и начисто забыл о греческом театре и о классиках, которых он путал и которым дал общее название: «Старички былых времен». Лет тридцать-сорок спустя – это было тоже вечером, только не было дождя, – он заехал в одну деревню; он шел по мощеной деревенской площади и вдруг неожиданно для самого себя продекламировал отрывок из трагедии Софокла, которую читал тогда в семинарии. На той же неделе у него состоялась долгая беседа о «Старичках былых времен» с папским викарием, говорливым и впечатлительным стариком, любителем сложных загадок, предназначенных для эрудитов; должно быть, когда-то он их придумал, а годы спустя они обрели популярность под названием кроссвордов.

Благодаря встрече с папским викарием в душе у нашего священника вновь вспыхнула его давняя, глубокая любовь к древнегреческим классикам. В этом же году, на Рождество, он получил письмо. В то время, о котором идет речь, за ним уже установилась репутация человека с чересчур богатым воображением, человека, неустрашимого в толковании текстов и несколько нелогичного в проповедях; другого на его месте рукоположили бы в епископы.

Но он похоронил себя в деревне задолго до войны 85-го года, и к тому времени, когда птицы начали умирать в спальнях, прихожане уже несколько лет обращались в епархию с просьбой, чтобы отца Антонио Исабель заменили другим священником, помоложе; просьбы участились в то время, когда наш священник заговорил о том, что видел дьявола. С тех пор его перестали принимать всерьез, но он почти не замечал этого, несмотря на то, что и теперь еще без помощи очков читал молитвенник, напечатанный мелким шрифтом.

Привычки его были неизменны. На вид он был маленький,

невзрачный, ширококостный, со спокойными движениями; звук его голоса умиротворял в разговоре, но наводил сон, когда он говорил с амвона. До завтрака он обыкновенно оставался у себя в спальне и пускал воздушные шары, беззаботно откинувшись на парусиновом стуле, в одних широких саржевых панталонах, подвязанных у щиколоток.

Он служил обедни – в этом и заключалась вся его деятельность. Два раза в неделю он бывал в исповедальне, но уже много лет к нему на исповедь не приходил никто. Он простодушно думал, что его прихожане утратили веру из-за современных обычаев, и, таким образом, мог бы расценивать как явление весьма своевременное тот факт, что он трижды видел дьявола, но он знал, что люди мало верили его рассказам, да и сам понимал, что все это звучит не слишком убедительно. Сам он не удивился бы, обнаружив, что он мертв, – не удивился бы не только в последние пять лет, но и в те необычайные моменты, когда он видел мертвых птиц. Однако, когда он обнаружил третью мертвую птицу, он стал чуть ближе к реальной жизни; во всяком случае, он достаточно часто думал о мертвой птице, которую нашел на станционной скамейке.

Он жил в двух шагах от церкви, в маленьком домике без проволочных сеток на окнах; в домике была галерея, идущая вдоль стены дома, и две комнаты, одна из которых служила ему кабинетом, а другая спальней. Пожалуй, в минуты, когда ясность ума покидала его, он полагал, что счастье на земле достижимо лишь тогда, когда не очень жарко, и эта мысль вносила некоторое смятение в его душу. Он любил блуждать по опасным путям метафизики. Этим делом он занимался по утрам, сидя в галерее с полураскрытой дверью, закрыв глаза и напрягши мускулы. Однако сам он не замечал того, что уже по меньшей мере три года в минуты размышлений он не думал ни о чем.

Ровно в двенадцать в галерее появлялся мальчик с подносом, на котором всегда были одни и те же блюда: вываренный из кости суп с горсткой маниоки, белый рис, тушеное мясо без лука, жареная баранина или маисовая булочка и немного чечевицы, которую отец Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар не попробовал ни разу в жизни.

Мальчик ставил поднос рядом со стулом, на котором, откинувшись, сидел священник, но священник не открывал глаза до тех пор, пока не слышал, как шаги мальчика удаляются. Поэтому в деревне считали, что отец Антонио Исабель спал во время сиесты перед обедом (это тоже казалось странностью); истина же заключалась в том, что даже по ночам он не спал нормальным сном.

Ко времени, о котором идет речь, привычки его стали совсем

примитивными. Он завтракал, не сходя со своего парусинового стула, не снимая блюд с подноса, не пользуясь ни тарелками, ни ножом, ни вилкой, а только той ложкой, которой ел суп. После еды он вставал, слегка смачивал голову водой, надевал белую сутану, испещренную большими квадратными заплатами, и отправлялся на станцию как раз в часы сиесты, когда вся деревня ложилась спать. Уже несколько месяцев он ходил по этому маршруту, шепча молитву, которую сложил сам, когда дьявол явился ему в последний раз.

Однажды в субботу – спустя девять дней после того как птицы начали умирать, – отец Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар отправился на станцию, как вдруг к его ногам упала умирающая птица – это было как раз напротив дома сеньоры Ребеки. От птичьей головки исходило яркое сияние, и священник понял, что эту птицу в отличие от других птиц можно спасти. Он взял ее в руки и постучался в дверь к сеньоре Ребеке в ту самую минуту, когда она расстегивала корсаж, намереваясь отойти к послеобеденному сну.

Сидя у себя в спальне, вдова услышала стук и инстинктивно перевела взгляд на проволочную сетку. Уже двадня в эту спальню не проникла ни одна птица. Однако сетка была раздергана. Сеньора Ребека сочла починку сетки лишним расходом и решила подождать, пока не кончится это птичье нашествие, действовавшее ей на нервы. Сквозь гудение электрического вентилятора она различила стук в дверь и с раздражением вспомнила, что Архенида проводила сиесту в последней спальне, выходящей в коридор. Ей даже не пришло в голову спросить себя, кто может побеспокоить ее об эту пору. Она застегнула корсаж, толкнула дверь с проволочной сеткой, торжественно прошла по коридору направо, миновала зал, набитый мебелью и разными ненужными предметами комнатного убранства, и перед тем, как открыть дверь, увидела сквозь металлическую сетку молчаливого отца Антонио Исабель с погасшим взором и с птицей в руках, вдова еще не успела открыть дверь, как он сказал:

– Я не сомневаюсь, что, если мы смочим ей голову водой и положим у тыквы, она оправится.

И, открывая дверь, сеньора Ребека почувствовала, что теряет сознание от ужаса.

Священник не пробыл в этом доме и пяти минут. Сеньора Ребека полагала, что это она ускорила ход событий, но в действительности это сделал священник. Если бы вдова могла о чем-либо подумать в такой момент, она вспомнила бы, что за тридцать лет жизни в деревне священник ни разу не задержался у нее больше чем на пять минут. Ему показалось, что

в нагромождении вещей в зале явственно виден алчный дух хозяйки, несмотря на ее родство с епископом – родство отдаленное, но общепризнанное. Кроме того, существовала легенда (или рассказ) о семье сеньоры Ребеки, которая – в этом священник был уверен – не дошла до резиденции епископа; полковник Аурелиано Буэндия, двоюродный брат вдовы, как-то заметил, что в этом веке епископ ни разу не посетил деревню, дабы избежать встречи со своей родственницей. Правдив ли, нет ли был этот рассказ или же легенда – неизвестно; истина же заключалась в том, что отец Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар неугодно чувствовал себя в доме у сеньоры Ребеки, единственная обительница коего отнюдь не проявляла милосердия и исповедовалась только раз в году, причем давала весьма уклончивые ответы, когда священник пытался узнать что-то конкретное о загадочных обстоятельствах смерти ее супруга. И если сейчас отец Антонио Исабель находился в этом доме, поджидая, когда вдова принесет стакан воды, чтобы смочить голову умирающей птицы, то лишь потому, что ситуация, которую сам он никогда бы не создал, требовала решимости.

Пока вдова ходила за водой, священник, сидя в роскошном кресле-качалке, изукрашенном деревянной резьбой, почувствовал в этом доме какую-то странную влажность – влажность, которая не исчезла с тех самых пор, когда раздался пистолетный выстрел, – это было сорок с лишним лет тому назад – и Хосе Аркадио Буэндия, брат вышеупомянутого полковника, повалился ничком, шурша пряжками и шпорами о еще теплые гетры, которые он только что снял. Когда сеньора Ребека снова влетела в зал, она обнаружила, что Антонио Исабель сидит в кресле-качалке все с тем же отсутствующим видом, который приводил ее в ужас.

– Господь дает жизнь животному точно так же, как и человеку, – произнес священник.

При этом он не вспомнил о Хосе Аркадио Буэндия. Не подумал он и о вдове. Но она привыкла не доверять словам священника с тех пор, как он с амвона объявил, что ему троекратно являлся дьявол. Не обращая на него внимания, она взяла птицу, окунула ее в воду, а затем встряхнула. Священник заметил, что все это она проделывала безжалостно и небрежно, с абсолютным равнодушием к птице.

– Вы не любите птиц, – сказал он мягко, но безапелляционно.

Вдова бросила на него нетерпеливый и враждебный взгляд.

– Если бы я и любила их прежде, – сказала она, – я возненавидела бы их теперь, когда им приспичило помирать в домах!

– Много их погибло, – твердо сказал он. Могло показаться, что в тоне

его голоса сквозило лукавство.

– А хоть бы и все! – отвечала вдова. И, с отвращением сжимая птицу в руке и сажая ее у тыквы, прибавила: – Мне вообще было бы плевать на них, кабы они не рвали мои сетки.

И он подумал, что никогда еще не видел такого очерстневшего сердца. Минуту спустя, взяв птицу в руки, священник почувствовал, что это крошечное, беззащитное тельце застыло. Тогда он позабыл обо всем – о сырости в доме, о царившей в нем алчности, о невыносимом запахе пороха, исходившем от трупа Хосе Аркадио Буэндиа, – и понял чудесную истину, в которой он жил с начала этой недели. И даже здесь, когда вдова смотрела ему вслед, – он шел с мертвой птицей в руках, и у него было угрожающее выражение лица, – он был свидетелем чуда, свидетелем откровения: над деревней лил дождь мертвых птиц, а он, служитель алтаря, он, избранник Господень, ощущавший счастье, когда не было жарко, совершенно забыл Апокалипсис.

В этот день он, как всегда, отправился на станцию, хотя и не отдавая себе отчета в своих действиях. Он смутно понимал, что в мире что-то происходит, но чувствовал, что оступел, поглупел, что он недостойн этого мгновения истины. Сидя на станционной скамейке, он пытался припомнить, говорится ли в Апокалипсисе о дожде мертвых птиц, но оказалось, что он забыл его начисто. Внезапно он сообразил, что задержался у сеньоры Ребеки и потому пропустил поезд; он вытянул шею и сквозь пыльные треснувшие оконные стекла увидел, что на часах в кабинете начальника станции было без двенадцати минут час. Вернувшись к своей скамейке, он почувствовал, что задыхается. В эту минуту он вспомнил, что сегодня суббота. Он обмахивался веером, сплетенным из пальмовых листьев, блуждая в темном тумане своей души. А затем его привели в отчаяние пуговицы его сутаны, пуговицы его ботинок, а также его длинные, облегающие саржевые панталоны, и его охватила тревога, когда он понял, что в жизни ему еще не было так жарко.

Не вставая со скамейки, он расстегнул ворот сутаны, вытащил из рукава платок и отер налившееся кровью лицо; тут, в патетическое мгновение полной ясности, у него мелькнула мысль о том, что, быть может, все, что он сейчас видит, – это прелюдия к землетрясению. Когда-то он читал об этом в какой-то книге. Однако небо было безоблачным; с этого прозрачного голубого неба загадочным образом исчезли все птицы. Он ощущал и жару и прозрачность, но мгновенно позабыл о мертвых птицах. Сейчас он думал о другом – он думал о том, при каких условиях могла бы разразиться гроза. Однако небо было чистым и ясным, словно это было

небо, раскинувшееся над другой деревней, далекой и не такой, как эта, над деревней, где жара никогда не чувствуется, и словно не его, а другие глаза глядели на это небо. Потом он посмотрел на север поверх пальмовых и ржавых цинковых крыш и увидел медленную, молчаливую, спокойную стаю ястребов над мусорной кучей.

В силу какой-то странной ассоциации в нем ожили в эту минуту чувства, которые однажды в воскресенье он испытал в семинарии незадолго до получения первых наград. Ректор разрешил ему пользоваться своей личной библиотекой, и он целые часы (особенно по воскресеньям) проводил, погрузившись в чтение пожелтевших книг, пахнущих старым деревом, с пометками по-латыни, сделанными мелкими и острыми каракулями ректора. Как-то раз, в воскресенье, он читал целый день, в комнату вошел ректор и, смутившись, поспешно поднял карточку, явно выпавшую из книги, которую читал отец Антонио Исабель. К волнению своего начальника он отнесся тактично и равнодушно, но успел прочитать то, что было написано на карточке. Там была только одна фраза, написанная фиолетовыми чернилами, четким и прямым почерком: «Мадам Иветта умерла этой ночью». Более чем полвека спустя он увидел ястребиную эскадрилью над заброшенной деревней и вспомнил грустное впечатление, которое производил ректор, сидевший напротив него, в сумерках, молчаливо, с неприметно участвующимся дыханием.

Под впечатлением этой ассоциации он уже не ощущал; жары; как раз наоборот – он чувствовал колющий холод в паху и в ступнях. Его охватил ужас, хотя он и не вполне понимал почему; он заблудился в чаще беспорядочных мыслей и чувств, среди которых невозможно было различить ощущение тошноты, мысль о копыте сатаны, увязнувшем в грязи, и мысль о множестве мертвых птиц, падающих на землю, в то время как он, Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар, оставался равнодушным к этому явлению. Он встал, изумленно поднял руку, словно для приветствия, растворившегося в пустоте, и в ужасе закричал:

– Агасфер!

В эту минуту раздался свисток паровоза. В первый раз за много лет священник его не слышал. Он лишь увидел, как поезд, окутанный густым облаком дыма, подходит к станции, и услышал, как сыплется град угольной пыли на листы заржавленного цинка. Но все это было словно в далеком, непонятном сне, от которого он по-настоящему не пробуждался весь день, даже после четырех, когда уже кончал звонить в колокол, возвещавший об устрашающей проповеди, которую должен был произнести в воскресенье.

Через восемь часов после этого за ним пришли: его просили причастить и соборовать умирающую женщину.

Таким образом, наш священник не узнал, кто приехал с вечерним поездом. Он с незапамятных времен смотрел, как проходят четыре выцветших, обветшавших вагона, но не припоминал, чтобы кто-то вышел из них и остался здесь, по крайней мере за последние годы. Раньше было иначе: целый вечер он мог смотреть на проходящий поезд, груженный бананами; сто сорок вагонов, груженных Фруктами, все шли и шли, пока наконец уже совсем ночью не проходил последний вагон, на ступеньке которого стоял человек с зеленым фонарем в руке. Тогда становилась видна деревня по ту сторону железной дороги – там уже зажигались огни, – и ему казалось, что, хотя он только смотрит на поезд, поезд увозит его в другую деревню. Быть может, поэтому и вошло у него в обычай ежедневно ходить на станцию; он продолжал ходить туда и после того, как обстреляли работников, и банановым плантациям, а вместе с ними и поездам в сто сорок вагонов пришел конец; остался только запыленный желтый поезд, который никого не привозил и не увозил.

Но в эту субботу кто-то все же приехал. Когда отец Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар уходил со станции, тихий молодой человек, в котором не было ничего примечательного, кроме того, что он был явно голоден, увидел его из окна последнего вагона в ту самую минуту, когда вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего дня. Он подумал: «Если здесь есть священник, значит, должна быть и гостиница». Он выпрыгнул из вагона, перешел улицу, опаленную металлическим августовским солнцем, и вошел в прохладный полумрак дома, стоявшего напротив станции; в доме играла старая граммофонная пластинка. Обоняние молодого человека, которое обострил двухдневный голод, подсказало ему, что это и есть гостиница. И вошел он туда, не заметив вывески: «Гостиница Макондо» – надпись, которую ему не пришлось прочитать ни разу в жизни.

Хозяйка гостиницы была на шестом месяце. Кожа у нее была цвета горчицы, а сама она как две капли воды была похожа на свою мать, когда та была беременна ею. Молодой человек попросил подать ему еду «как можно скорей», но хозяйка подала ему тарелку супа с голой костью и мякоть зеленого банана, отнюдь не стараясь поторопиться. В этот момент раздался свисток паровоза. Окутанный теплым, целебным паром, поднимавшимся от тарелки с супом, молодой человек сообразил, какое расстояние отделяет его от станции, и тотчас его охватила паника, которая овладевает нами, когда мы опаздываем на поезд.

Он решил бежать на станцию. Он добежал до дверей, но, не успев

вспрыгнуть на подножку, понял, что на поезд уже опоздал. Он снова сел за стол, позабыв о том, что голоден; подле граммофона он увидел девушку, которая смотрела на него, и не было жалости в ее глазах: она глядела злобно, как собака, которую дергают за хвост. В первый раз за весь день он снял шляпу, зажал ее между коленей и снова принялся за еду. Когда он встал из-за стола, его, казалось, уже не беспокоило ни то, что ушел поезд, ни перспектива провести конец недели в этой деревушке, название которой он и не подумал узнать. Он сидел в углу зала, откинувшись на прямую спинку твердого стула, и пробыл в такой позе довольно долго, не слушая пластинок; наконец девушка, которая ставила их, сказала:

– В галерее будет попрохладнее.

Он почувствовал себя не в своей тарелке. Ему всегда было трудно начинать разговор с незнакомыми людьми. Для него было нестерпимо смотреть им в глаза, и, когда ему во что бы то ни стало приходилось вступать с ними в разговор, он невольно говорил не то, что думал.

– Да, – ответил он.

И почувствовал легкий озноб. Он попытался покачаться на стуле, забыв о том, что это не кресло-качалка.

– Здешние жители выкатывают стулья в галерею – там прохладнее, – сказала девушка.

А он, слушая ее, с тоской понял, что ей хочется поговорить. Он отважился взглянуть на нее в ту минуту, когда она заводила граммофон. Казалось, она сидела здесь уже несколько месяцев, а может, и несколько лет и не проявляла ни малейшего желания сдвинуться с места. Она заводила граммофон, но всем существом устремлялась к нему. Она улыбалась.

– Спасибо, – сказал он, делая попытку встать и стараясь держаться непринужденно. Девушка не сводила с него глаз.

– И оставляют шляпу на вешалке, – прибавила она.

Тут он почувствовал, что у него горят уши. Он вздрогнул при мысли о таком способе внушения. Он чувствовал себя неуютно, он был смущен, и снова его охватила паника, когда он вспомнил, что поезд его ушел. Но тут в зал вошла хозяйка.

– Что он делает? – спросила она.

– Он выкатывает свой стул в галерею, как все добрые люди, – отвечала девушка.

Ему показалось, что она произнесла это с оттенком насмешки.

– Не беспокойтесь, – сказала хозяйка. – Я принесу вам табуретку.

Девушка засмеялась, и он сконфузился. Было жарко, была сухая и ровная; он вспотел. Хозяйка потащила в галерею деревянную табуретку,

обитую кожей. Он хотел было последовать за ней, но тут снова заговорила девушка.

– Худо то, что эти птицы наводят страх, – сказала она.

Он перехватил суровый взгляд, который хозяйка бросила на девушку. Это был взгляд мимолетный, но многозначительный.

– А ты помалкивай, – сказала она и с улыбкой повернулась к нему.

Тогда он почувствовал себя не таким одиноким, и ему захотелось поговорить.

– О чем вы говорите? – спросил он.

– О том, что в эти часы в коридоре падают мертвые птицы, – отвечала девушка.

– Вечно она выдумывает, – сказала хозяйка.

Она наклонилась, чтобы поправить веточку искусственных цветов, стоявших на столике в центре зала. Пальцы ее дрожали.

– Вовсе нет, – ответила девушка. – Ты сама позавчера выкинула двух.

Хозяйка метнула на нее сердитый взгляд. У нее был жалобный вид, и ей явно хотелось все объяснить так, чтобы не оставалось никаких сомнений.

– Дело в том, сеньор, что позавчера мальчишки подбросили в галерею двух мертвых птиц, чтобы напугать ее, а потом сказали, что мертвые птицы стали падать с неба. А она, что ни скажи, тут же и уши развесит.

Он улыбнулся. Это объяснение показалось ему забавным; он потер руки и повернулся к девушке, которая смотрела на него с грустью. Граммофон умолк. Хозяйка вышла в другую комнату, и, когда молодой человек направился в коридор, девушка сказала, понизив голос:

– Я сама видела, как они падают. Поверь мне! Все это видели.

И ему показалось, что теперь ему стала понятна и ее любовь к граммофону, и раздражительность хозяйки.

– Да, – сказал он с состраданием. И, выходя в галерею, прибавил:

– Я тоже их видел.

Там, в тени миндальных деревьев, было не так жарко. Он приставил табуретку к дверной раме. Откинул голову и вспомнил мать; мать уныло сидела на качелях и отпугивала кур длинной метлой, и тут он остро ощутил, что впервые уехал из дому.

Неделей раньше он мог бы подумать о том, что его жизнь – это прямая и ровная нить, тянувшаяся от дождливого раннего утра последней гражданской войны, когда он появился на свет в четырех глинобитных стенах деревенской школы, до сегодняшнего июльского утра, когда ему исполнилось двадцать два года и мать подошла к его гамаку и подарила ему

шляпу, к которой была прикреплена карточка с надписью: «Моему дорогому сыночку в день его рождения». Порой ему набивал оскомину ржавый привкус безделья, и он тосковал по школе, по грифельной доске, по карте некой страны, засиженной мухами, и по длинному ряду кувшинов, висевших на стене под именем каждого ученика. Там не было жарко. Это была мирная зеленая деревня, там были куры с длинными пепельными лапками; они пробегали по школьному коридору и прятались в чулане. Его мать была в те времена печальной, замкнутой женщиной. По вечерам она садилась подышать воздухом кофейных плантаций и приговаривала: «Манауре – самая лучшая деревня на свете», а затем, обернувшись к нему и увидев, что он незаметно подрастает в своем гамаке, прибавляла: «Когда вырастешь, ты это поймешь». Но он не понимал ничего. Не понимал этого и в пятнадцать лет, когда был слишком большим для своего возраста и имел то вызывающее и легкомысленное здоровье, которое развивается при безделье. До двадцати лет жизнь его менялась лишь тогда, когда он менял позу, лежа в гамаке. Но именно в это время ревматизм вынудил его мать бросить школу, в которой она проработала восемнадцать лет, и они стали жить в Двухкомнатном домике с огромным патио, где выкармливались куры с такими же пепельного цвета лапками, как и те, что бегали по школьному коридору.

Забота о курах была его первым соприкосновением с Действительностью. Первым и единственным вплоть до июля месяца, когда его мать стала подумывать об уходе на пенсию и решила, что ее сын уже достаточно взрослый человек, чтобы взять хлопоты о пенсии на себя. Он, нимало не медля, подготовил необходимые документы и даже сумел убедить приходского священника выдать справку о крещении матери, прибавив ей шесть лет, ибо мать еще не достигла пенсионного возраста. Во вторник он получил последние инструкции, скрупулезнейшим образом разработанные во всех деталях матерью, вооруженной своим педагогическим опытом, и отправился в город, имея при себе двенадцать песо, смену белья, кипу документов, а также сугубо примитивное представление о слове «пенсия»; в простоте душевной он думал, что пенсия – это определенная сумма денег, которую правительство должно ему вручить на разведение свиней.

Дремля в галерее гостиницы, одурев от духоты, он не дал себе времени поразмыслить о том, сколь серьезно его положение. Он полагал, что беде его придет конец завтра, когда прибудет поезд, и, таким образом, единственное, что он может делать теперь, – это ждать воскресенья – в воскресенье он поедет куда ему нужно и никогда больше не вспомнит об

этой деревушке, где стоит такая невыносимая жара. Около четырех часов он заснул беспокойным сном, но и во сне он досадовал, что не захватил с собой гамак. Тут он обнаружил, что оставил в поезде сверток с бельем и документы, необходимые для получения пенсии. Он мгновенно проснулся, вскочил, подумал о матери, и снова его охватила паника.

Когда он втащил сиденье в залу, в деревне уже зажглись огни. Он никогда еще не видел электрического освещения, так что на него произвели сильное впечатление тусклые и грязные лампочки гостиницы. Потом он вспомнил, что мать рассказывала ему об этом, и потащил упомянутое сиденье в столовую, стараясь избегать слепней, которые, как маленькие пули, шлепались о зеркала. Поужинал он без аппетита, ополоумев оттого, что отчетливо представил себе ситуацию, в которой очутился, от страшной жары, от горечи одиночества, которое он испытывал впервые в жизни. После девяти его провели в глубину дома, в комнату с деревянными стенами, оклеенную вырезками из журналов и газет. В полночь он погрузился в тяжелый лихорадочный сон, а в это время через пять улиц отсюда отец Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар лежал на спине на своей складной кровати и размышлял о том, что опыт этой ночи обогатит его проповедь, которую он должен был произнести в семь часов утра. Под слитное гудение москитов священник отдыхал в своих длинных, облегающих саржевых панталонах. Около двенадцати он отправился причастить и соборовать умирающую женщину; он пришел в возбужденное, нервное состояние, так что, вернувшись домой, поставил святые дары рядом со своей кроватью, лег и стал мысленно повторять свою проповедь. Так, лежа на спине, он провел несколько часов до рассвета, когда услышал отдаленный крик выпи. Тогда он приподнялся, с трудом встал с постели, задел колокольчик и ничком упал на пол.

Он с трудом пришел в себя от пронизывающей боли в боку. В эту минуту он почувствовал и общую тяжесть: тяжесть своего тела, тяжесть своих грехов и тяжесть своего возраста. Щекой он ощущал неровную поверхность каменного пола, который столько раз, когда отец Антонио Исабель готовился к проповеди, служил ему для того, чтобы он мог составить себе совершенно точное представление о дороге, ведущей в ад.

– Иисусе! – прошептал он со страхом и подумал: «Мне уже не встать, это ясно».

Он не знал, сколько времени пролежал на полу, ни о чем не думая; ему даже не пришло в голову помолиться о мирной кончине. Он лежал так, как если бы и в самом Деле скоропостижно скончался. Но когда очнулся, он уже не чувствовал ни боли, ни страха. Под дверью лежала бледная полоска

света; он услышал далекую печальную переключку петухов и понял, что жив и что отлично помнит свою проповедь.

Когда он отодвинул дверной засов, уже светало. Он по-прежнему не чувствовал боли, и ему даже казалось, что этот удар снял с него бремя старости. Вся доброта, все заблуждения и страдания его деревни проникли в его сердце, когда он впервые в это утро глотнул воздуха – эту голубую влагу, наполненную петушиными криками. Потом он огляделся вокруг как бы затем, чтобы примириться с одиночеством, и увидел спокойную утреннюю полутьму и одну... две... три мертвые птицы в галерее.

В течение девяти минут он рассматривал три трупа и в согласии со своей проповедью думал о том, что эта всеобщая смерть птиц требует искупления. Затем он прошел в другой конец галереи, подобрал всех трех мертвых птиц, подошел к большому глиняному кувшину, открыл его и, сам не зная, зачем он это делает, побросал птиц одну за другой в зеленую стоячую воду. «Три да три – это составляет полдюжины в неделю», – подумал он, и чудесная вспышка света указала ему, что начинается великий день в его жизни.

В семь часов стало жарко. В гостинице единственный постоялец ожидал завтрака. Граммофонная девушка еще не вставала. Хозяйка подошла к постояльцу, и в эту минуту ему показалось, будто в ее объемистом животе пробило семь часов.

– Вечно кто-нибудь да опоздает на поезд, – сказала она с запоздалым сочувствием.

А затем подала завтрак – кофе с молоком, яичницу и нарезанный кусками зеленый банан.

Он попытался приняться за еду, но есть ему не хотелось. Он встревожился, почувствовав, что становится жарко. Пот лил с него градом. Он задыхался. Спал он плохо, не раздеваясь, и теперь его слегка знобило. Опять он пришел в паническое состояние и вспомнил о матери в ту самую минуту, когда хозяйка подошла, чтобы собрать тарелки; на ее новом платье распустились большие зеленые цветы. Платье хозяйки напоминало ему о том, что это был воскресный день.

– Сегодня служат обедню? – спросил он.

– Служить-то служат, – отвечала женщина. – Только могли бы и не служить: все равно почти никто не ходит. А все потому, что не захотели прислать нам нового священника.

– А что собой представляет нынешний?

– Ему сто лет в обед, и к тому же он полоумный, – сказала женщина и в задумчивости так и застыла на месте с тарелками в одной руке.

Потом заговорила снова:

– Как-то он поклялся с амвона, что видел дьявола, – вот с тех-то самых пор почти никто к нему и не ходит.

Таким-то образом он и очутился в церкви: отчасти из-за отчаяния, отчасти оттого, что ему было интересно посмотреть на человека, которому целых сто лет. Он увидел, что это мертвая деревня с нескончаемыми пыльными улицами и мрачными деревянными домами с цинковыми крышами; дома казались необитаемыми. Это была деревня в воскресный день: улицы без зелени, дома с проволочными сетками и бездонное, чудесное небо над удушливой жарой. Он подумал, что здесь нет ровно ничего такого, что позволило бы отличить воскресный день от любого другого дня, и, идя по пустынной улице, вспомнил мать: «Все улицы всех деревень неизбежно приводят либо в церковь, либо на кладбище». В эту минуту он вышел на маленькую мощеную площадь; на площади стояло здание, покрытое известкой, с башенкой и деревянным петухом на ее верхушке и с часами, которые остановились на десяти минутах пятого.

Он не торопясь перешел через площадь, поднялся по трем ступенькам паперти, немедленно почувствовал запах застарелого человеческого пота, смешанный с запахом ладана, и очутился в холодном полумраке почти пустой церкви.

Отец Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар только что вышел на амвон. Он хотел уже начать проповедь, как вдруг увидел, что в церковь вошел молодой человек в шляпе. Священник видел, что он разглядывает почти пустой собор своими большими глазами, прозрачными и ясными. Видел, что он сел в последнем ряду, наклонил голову и положил руки на колени. Священник понял, что это нездешний. Он прожил в этой деревне больше двадцати лет и мог бы узнать любого из ее жителей чуть ли не по запаху. Потому он и знал, что паренек, только что вошедший в собор, – нездешний. Быстрым, но внимательным взглядом священник определил, что существо это молчаливое и немного грустное, что костюм на нем мятый и грязный. «Похоже, что он долго в нем спал», – подумал отец Антонио Исабель со смешанным чувством жалости и отвращения. Немного спустя, увидев, что молодой человек сел на скамейку, священник почувствовал, что душа его преисполнилась благодарности, и приготовился произнести важнейшую проповедь в своей жизни. «Господи Иисусе, – мысленно произнес он, – сделай так, чтобы он вспомнил про шляпу и чтобы мне не пришлось выгнать его из церкви». И начал проповедь.

Сначала он говорил, не вникая в смысл своих слов. Он даже не слушал себя. Он слышал лишь свободно льющуюся стройную мелодию, которая

хлынула из источника, дремлющего в его душе от сотворения мира. У него возникла смутная уверенность в том, что слова выливались у него в строгую, стройную, продуманную систему, где все было логично, все вытекало одно из другого. Он чувствовал, что его распирает теплый воздух. Но он знал, что дух его свободен от тщеславия и что ощущение радости, вытеснившее все прочие чувства, не имело ничего общего ни с гордыней, ни со своеволием, ни с тщеславием; это была чистая радость пребывания в богообщении.

Сеньора Ребека у себя в спальне почувствовала, что теряет сознание, и поняла, что еще минута – и жара станет непереносимой. Если бы она не чувствовала, что корнями вросла в эту деревню из-за темного страха перед чем-то новым, она побросала бы свое барахло в чемодан с нафталином и пошла бы колесить по свету, как, по рассказам, поступил ее прадед. Но в душе она знала, что ей суждено умереть в этой деревне, в доме с этими бесконечными коридорами и девятью спальнями с проволочными сетками, которые, полагала она, необходимо заменить острыми стеклами, когда спадет жара. Итак, она останется здесь, это решено (такое решение она всегда принимала, когда приводила в порядок платья у себя в шкафу); кроме того, она решила написать своему «высокопреосвященнейшему кузену», чтобы он прислал сюда молодого священника, – тогда она сможет снова начать посещать церковь в своей шляпе с бархатными цветочками, ходить к обедне, которую новый священник будет служить по всем правилам, и слушать исполненные мудрости, поучительные проповеди. «Завтра понедельник», – подумала она, начиная в то же время подумывать об обращении к епископу в письме (обращении, которое полковник Буэндиа когда-то расценил как легкомысленное и непочтительное), но тут Архенида распахнула дверь с проволочной сеткой и закричала:

– Сеньора! Говорят, что наш священник сошел с ума!

Вдова повернулась к ней лицом, на котором было весьма характерное для нее пасмурное, горькое выражение.

– Он сошел с ума самое меньшее пять лет тому назад, – заметила она. И, продолжая тщательно разбирать свои платья, сказала: – Должно быть, он опять увидел дьявола.

– Нет, на сей раз это не был дьявол, – отвечала Архенида.

– Тогда кто же? – с надменным равнодушием спросила сеньора Ребека,

– Он говорит, что на этот раз он увидел Агасфера.

Вдова почувствовала, что мурашки побежали у нее по коже. Рой беспорядочных мыслей о поврежденных проволочных сетках, о жаре, о мертвых птицах и о чуме пронесся у нее в голове, когда она услышала эти

слова, которые не приходили ей на память с вечеров ее далекого Детства, – «Агасфер». Тогда она, мертвенно-бледная, холодная, заметалась по комнате, а Архенида смотрела на нее, разинув рот.

– Верно, – глухим голосом произнесла вдова. – Теперь-то я понимаю, почему стали умирать птицы.

Охваченная ужасом, она набросила на голову черную вышитую мантилью и вихрем промчалась по длинному коридору, по залу, заставленному различными предметами комнатного убранства, выскочила из дому, пробежала Две улицы, отделявшие ее дом от церкви, в которой преобразившийся отец Антонио Исабель дель Сантисимо Сакраменто дель Алтар говорил: «...Клянусь вам, что я его видел. Клянусь вам, что сегодня на рассвете он перебежал мне дорогу, когда я возвращался от жены плотника Ионы, которую я соборовал. Клянусь вам, что лицо у него было черным оттого, что на нем лежало проклятие Господне, и что он оставлял за собой следы тлеющего пепла».

Слово оборвалось и застыло в воздухе. Священник почувствовал, что не может унять дрожь в руках, что он дрожит всем телом и что по спине его медленно стекает струйка холодного пота. Ему было плохо, он дрожал, ему хотелось пить, он чувствовал сильное растяжение кишок и шум во внутренностях, похожий на глубокий звук органа. Тогда он понял истину.

Он видел людей в церкви, видел, что по среднему нефу по направлению к амвону бежит взволнованная сеньора Ребека, театральным жестом простирая руки вперед, с горьким и холодным выражением запрокинутого лица. Он смутно понял, что произошло, и у него хватило ясности мысли понять, что было бы тщеславием приписывать это чуду. Он смиренно оперся дрожащими руками на деревянную амвонную решетку и возобновил свою речь.

– Потом он подошел ко мне, – продолжал он. И теперь он слышал свой голос, звучавший страстно и убедительно. – Он подошел ко мне; у него были изумрудно-зеленые глаза и шершавая кожа; пахло от него козлом. Я поднял руку, чтобы изгнать его именем Господним, и сказал ему: «Остановись! Воскресенье – неподходящий день для того, чтобы принести в жертву агнца».

Когда он кончил, началась жара. Сильная, стоячая, палящая жара этого незабываемого августа. Но отец Антонио Исабель уже не чувствовал никакой жары. Он знал, что здесь, рядом с ним, находятся люди, снова охваченные тоской, потрясенные его проповедью, но даже это не радовало его. Не радовало священника даже и то, что вот-вот его пересохшее горло увлажнится вином. Он чувствовал себя бесприютным и беззащитным.

Чувствовал, что рассеян, и не смог сосредоточиться в кульминационный момент совершения таинства. Это случилось с ним уже не раз, но теперь он отвлекался по-иному: какое-то смутное беспокойство заглушило все остальные чувства. И тут в первый раз в жизни он познал гордыню. И точно-точно как он это представлял себе и как формулировал это в проповедях, он ощутил, что гордыня есть чувство, подобное жажде. Он с силой захлопнул дарохранильницу и позвал:

– Пифагор!

Служка – мальчик с бритой, блестящей головой (отец Антонио Исабель окрестил его и дал ему имя) – подошел к престолу.

– Собирай пожертвования, – обратился к нему священник.

Мальчик заморгал глазами, повернулся и почти неслышно сказал:

– Я не знаю, куда девалась тарелочка.

Это была правда. Пожертвования не собирались уже несколько месяцев.

– Тогда поищи в ризнице мешочек, только не маленький, и собери как можно больше, – сказал священник.

– А что я скажу? – спросил мальчик.

Священник задумчиво посмотрел на голый голубоватый череп, на выпирающие кости. Теперь уже он заморгал глазами.

– Скажи: это для того, чтобы изгнать Агасфера, зло, – сказал он, а сказав это, почувствовал великую тяжесть на сердце.

В течение минуты он слышал лишь потрескивание больших восковых свечей в тишине собора да свое собственное тяжелое и прерывистое дыхание. Затем положил Руку на плечо служки, смотревшего на него испуганными круглыми глазами, и сказал:

– Потом возьми деньги и отдай их тому юноше, что пришел сюда первым и сидел один, и скажи, что эти деньги посылает ему священник, чтобы он купил себе новую шляпу.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)